

КУЛЬТУРОСООБРАЗНЫЕ ПРАКТИКИ

Научная статья

УДК 008:001.8

doi: 10.20323/1813-145X-2021-5-122-239-246

Коммунальный образ жизни: норма и аномалия в повседневном пространстве советского города

Мария Вячеславовна Александрова

Кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
msholeh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4709-5663>

Аннотация. Статья посвящена специфике коммунального образа жизни, рассматриваемого как один из ключевых феноменов советской повседневности. Процесс становления коммунального типа жилища в советской России исследуется в контексте восприятия современниками порожденных им социокультурных норм и повседневных практик формирования советского жизненного стиля. В статье анализируются тенденции и мероприятия жилищной политики советской власти первых послереволюционных десятилетий, идеологические, социально-экономические и социокультурные факторы, повлиявшие на превращение коммунального образа жизни из временной и вынужденной меры в новую модель социального взаимодействия, структурообразующую норму повседневности. Стратегии и практики коммунального образа жизни демонстрируются на материалах 1917 – середины 1930-х гг., характеризующих процессы трансформации границ частной и общественной жизни, дестабилизации сферы жилища, классовый характер жилищной политики и закрепление советской социальной иерархии в повседневном опыте горожан. В статье рассматриваются парадоксы и аномалии коммунального образа жизни: практика «уплотнения» жилищ, внедрение единой нормы жилплощади, отсутствие бытовой изоляции, утрата чувства хозяина и статуса домашнего очага.

Отмечены новые стратегии распределения и получения базовых ресурсов, возникшие в коммунальной среде и повлиявшие на становление советского образа жизни. К исследованию привлечены неопубликованные документы из региональных архивов, источники личного происхождения, раскрывающие процессы становления коммунального образа жизни как в столицах, так и в городах провинции. Феномен коммунальной квартиры исследуется в нескольких аспектах – как среда обитания и формирования советского человека, как идеологический инструмент внедрения новой иерархии и системы ценностей, наконец, как уникальный тип жилища, ставший символом советской эпохи.

Ключевые слова: коммунальный образ жизни, повседневное пространство, норма, аномалия, жилище, советский город, жилищная политика

Выполнено по гранту РНФ № 20-68-46013

Для цитирования: Александрова М. В. Коммунальный образ жизни: норма и аномалия в повседневном пространстве советского города // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 5 (122). С. 239-246.
<http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-5-122-239-246>.

CULTURE CONFORMABLE PRACTICES

Original article

Communal lifestyle: norm and anomaly in the everyday space of the soviet city

Mariya V. Aleksandrova

Candidate of historical sciences, associate professor of the department of culturology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Republikanskaya st., 108/1
msholeh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4709-5663>

Abstract. The article is devoted to the specifics of the communal lifestyle, considered as one the key phenomena of Soviet everyday life. The communal apartment in Soviet Russia is investigated in the context of the perception by

contemporaries of the socio-cultural norms and everyday practices, the shaping of the Soviet lifestyle. The article analyzes the tendencies and measures of the policy of the Soviet government, ideological, socio-economic and sociocultural factors influenced the transformation of the communal lifestyle into a new model of social interaction, a structure-forming norm of everyday life. The strategies and practices of the communal lifestyle are demonstrated on materials from 1917 to the mid-1930s, characterizing the processes of transformation of the borders of private life, destabilization of the sphere of dwelling and the consolidation of the Soviet social hierarchy in the everyday experience. The article examines the paradoxes of the communal lifestyle: the practice of «compaction» of dwellings, the introduction of a uniform standard of living space, the absence of household isolation, the loss of the sense of ownership and the status of the household.

The new strategies for the receipt of basic resources that have arisen in the communal environment are noted. The study involved unpublished documents from regional archives, diaries, revealing the processes of the formation of a communal lifestyle in the capitals and in the province. The phenomenon of a communal apartment is studied in several aspects – as the area of the formation of the Soviet type of person, as an ideological means for introducing a new hierarchy and value system, and finally, as a unique type of dwelling that has become a symbol of the Soviet era.

Keywords: communal lifestyle, space of everyday life, norm, anomaly, dwelling, Soviet city, housing policy
Made under RSF grant № 20 68 46013

For citation: Aleksandrova M. V. Communal lifestyle: norm and anomaly in the everyday space of the Soviet city. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2021;(5):239-246. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-5-122-239-246>

Введение

Два послереволюционных десятилетия стали временем радикальных перемен в повседневной жизни советского общества, что проявилось в появлении новых норм и культурных практик как на бытовом, так и на ментальном уровне. В первую очередь, изменения затронули сферы социальной микросреды обитания, жилища и городского пространства – средоточия реализации базовых потребностей человека. Анализ этих изменений в историческом и социокультурном контексте открывает перспективы для исследования процесса становления советского образа жизни.

В данной статье мы сосредоточимся на изучении идеологически обоснованных мероприятий советской власти в сфере жилищной политики и связанных с ними повседневных практик. Трансформация границ частного и публичного, закрепление новой социально-пространственной иерархии и внедрение новых социокультурных норм особенно заметно проявились в восприятии жилища, в стратегиях и механизмах его распределения. Национализированное, «коммунальное» жилье в этот период теряет коннотации дома, домашнего очага, превращаясь, по выражению М. Г. Мееровича, в «квадратные метры, определяющие сознание» [Меерович, 2005].

Методы исследования

Теоретико-методологическая база исследования включает в себя исследования социокультурных аспектов советской жилищной политики, представленные работами И. Б. Орлова [Орлов, 2015], М. Г. Мееровича [Меерович, 2003], А. И. Черных [Черных, 1995], С. Коткина [Кот-

кин, 2001], Ш. Фицпатрик [Fitzpatrick, 1999], В. Паперного [Паперный, 2001], Н. Б. Лебиной [Лебина, 1997].

Исследование опирается на источниковедческий анализ различных типов источников (дневников, неопубликованных документов региональных архивов, художественных произведений), сопоставление которых позволяет раскрыть общественный и персональный ракурсы коммунального образа жизни. Привлекаемые к исследованию источники личного происхождения анализируются в русле информационного и коммуникативного подходов, в контексте личностного восприятия и преломления исторической информации о феноменах советской повседневной культуры.

Результаты исследования. Аномалии коммунального образа жизни в аспекте личностного восприятия повседневности

Жилищный кризис, связанный с бурными темпами урбанизации и социальным неравенством городского населения, проявился в России уже в начале XX в. Решение этой проблемы, осуществлявшееся до революции 1917 г. в русле программ социальной поддержки и частной благотворительности, активно обсуждалось сообществом теоретиков градостроения, предлагавших новые принципы расселения. С приходом новой власти преодоление жилищного кризиса стало одной из первоочередных задач. Советское правительство ориентировалось на немедленную ликвидацию неравенства жилищных условий в целях стабилизации общественно-политической ситуации и сохранения поддержки масс. Вместе с тем в условиях Гражданской войны и экономи-

ческого кризиса государственное обеспечение достойным жильем всего населения страны (идея, трудно реализуемая и в мирное время) становилось фактически невозможным.

Экстренные мероприятия жилищной политики большевиков, предпринятые в 1918-1921 гг., лишь отчасти соответствовали идеологическим лозунгам равенства и актуальным в то время градостроительным концепциям дома-коммуны и социалистического рабочего поселка. Удовлетворение жилищных потребностей трудящихся не могло быть осуществлено за счет нового строительства, поэтому главным средством решения проблемы оказалось перераспределение существующего жилого фонда.

В декабре 1917 г. Совнарком выпустил Декрет «О запрещении сделок с недвижимостью», ликвидировавший рынок жилья [Говоренкова, 1999, с. 100]. Главным принципом решения квартирного вопроса советское правительство провозгласило классовый подход к распределению жилого фонда, используя старый лозунг Французской революции: «Мир – хижинам, война – дворцам». В основу советской жилищной политики 1917-1921 гг. был положен ленинский план «революционного жилищного передела», созвучный социалистическому проекту передела земли [Черных, 1995, с. 71]. Проект, разработанный еще до прихода большевиков к власти, стал развитием тезиса Ф. Энгельса: «Помочь устранению жилищной нужды можно немедленно путем экспроприации части роскошных квартир, принадлежащих имущим классам, и принудительным заселением остальной части» [Энгельс, 1961, с. 239]. В первые месяцы советской власти передел осуществлялся «явочным порядком», директивы власти допускали вариативность и субъективность их трактовки. Под определение «богатой» квартиры, как правило, попадало жилье, где число комнат равнялось количеству жильцов или превышало его. Несмотря на неоднозначность, данная формула положила начало нормированному распределению жилья, закрепляя и новые нормы повседневности, ставшие основой коммунального образа жизни [Александрова, 2016].

Понятие «норма» выступало ключевым в жилищной политике советской власти. Если прежде жилищные условия человека определялись его происхождением и финансовыми возможностями, то в условиях государственной собственности на жилье основой распределения становилась установленная «сверху» норма. Нормальным становится и совместное проживание не

связанных родством граждан, признанное, по выражению С. Коткина, «новой моделью человеческих взаимоотношений в Советской России». Модель эта «оказалась не чем иным, как миром, вывернутым наизнанку» [Коткин, 2001, с. 110].

Отметим, что на начальном этапе осуществление жилищного передела было стихийным и зачастую бесконтрольным. Согласно декрету «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах», принятому в августе 1918 г., местные советы получили право конфискации городских домовладений и передачи их в муниципальный фонд для распределения среди трудящихся. Однако на практике чиновники руководствовались не столько директивами центра, сколько личными интересами и выгодой, необходимостью размещения многочисленных советских учреждений или субъективными представлениями о «ценности» жилья для советского государства. Богатый материал, свидетельствующий о характере проводимых мероприятий, содержат протоколы комиссий по «выселению нетрудового элемента». Показательным примером может служить инцидент, зафиксированный в документах Отдела коммунального хозяйства Ярославского губисполкома: при обследовании дома в центральной части города представитель комиссии вынес решение об уплотнении семьи Пахарнаевых из двух человек, занимавшей две комнаты. Гражданин Пахарнаев попросил предъявить мандат, отметив, что на каждого человека полагается по комнате, поэтому подобное уплотнение противоправно. Представитель комиссии вернулся через час в сопровождении красногвардейцев и арестовал Пахарнаева, указав, что тот «критиковал советскую власть и утверждал, будто большевики продают Россию Германии». Несмотря на показания свидетелей, Пахарнаев был приговорен к штрафу и лишен комнаты, в которую въехал делопроизводитель Горсовета [Отдел коммунального... Д. 2. Л. 25]. Отдел Управления Горисполкома констатировал, что представители Жилищной комиссии «врываются в квартиры граждан без предъявления мандатов и держатся крайне грубо, отвечая недопустимыми выходками на законные возражения обывателей. Поводом для выселения могло стать наличие у жильца «предметов роскоши и украшений» [Исполнительный комитет... Д. 424. Л. 650].

Подобные сюжеты, близкие к известным эпизодам повести М. А. Булгакова «Собачье сердце», мы встречаем и в документах личного происхождения – дневниках и переписке жителей крупных

городов. Так, З. Н. Гиппиус в 1919 г. свидетельствовала: «К И. И. [врачу И. И. Манухину] тоже “вселяют”. Ему надо защитить свой кабинет. Бросился он в новую “комиссию по вселению”. Рассказывает: “Видал, кажется, Совдепы всякие, но таких архаровцев не видал! <...> “Что? Кабинет? Какой кабинет? Какой ученый? Что-то не слышали. Книги пишете? А в “Правде” не пишете? Верно, с буржуями возитесь... Вот мы вам пришлем товарищей исследовать, какой такой рентген, какой такой ученый!” Бедный И. И. кубарем оттуда выкатился. Ждет теперь “товарищей”-исследователей» [Гиппиус, 2005, с. 24–65].

В. Г. Короленко, живший в это время в Полтаве, оказался в сходной ситуации: «Приходят, мелят шагами комнаты... Один прямо заявил, что реквизирует 2 комнаты, в том числе мой рабочий кабинет (тут же и спальня). Я рассердился и сказал, что не дам рабочего кабинета, хотя бы его пришлось защищать... Особенно интересный реквизитор-претендент явился затем вчера. Он заявил, что... мечтал получить “аудиенцию” у писателя Короленко. И вот теперь такое счастье!.. Он будет жить у писателя Короленко...» [Короленко, 2017].

Конфликт интеллигентной семьи профессора с вселившимися в их квартиру пролетариями стал сюжетом агитационного фильма «Уплотнение» – первого опыта советской киноиндустрии, снятого по сценарию наркома А. В. Луначарского. В фильме-агитке история заканчивалась счастливым примирением, на практике же термин «уплотнение» оказался одним из главных социокультурных триггеров эпохи. Только за первые годы советской власти число московских рабочих, проживающих в пределах Садового кольца, выросло с 5 до 50 % [Орлов, 2015, с. 290], в Петрограде 18,5 тысяч рабочих семей переехали с фабричных окраин в квартиры «буржуев» [Лебина, 1997, с. 17].

Страх уплотнения тревожным рефреном на протяжении 6 лет звучит в дневниковых записях московского филолога Н. Мендельсона, наблюдавшего гибель своей «обширной, комфортабельной, буржуазной квартиры» и утрату дорогих семье вещей, измотанного «хождением по Совдеповским комнатам», переездом и постоянным страхом перед нашествием новых жильцов [Мендельсон, 2017]. Стратегии поиска связей, способных гарантировать неприкосновенность жилища для себя или уважаемых коллег, упоминаются в дневниках представителей петербург-

ской интеллигенции – литератора К. Чуковского [Чуковский, 2017], художника К. Сомова [Сомов, 2017]. Директор Румянцевского музея Ю. Готье, в преддверии «нового натиска на буржуазные квартиры», упоминал: «Ходят слухи, что можно откупиться и что откуп стоит 500 рублей» [Готье, 2017]. Писатель А. Жиркевич, переехавший на время Гражданской войны в Симбирск, страдая от тесноты и грязи в перенаселенной квартире, искал защиту в комиссариате народного образования, апеллируя к ценности своих трудов и коллекций [Жиркевич, 2007], преподаватель Н. Мендельсон тщетно пытался использовать ходатайства Рабфака [Мендельсон, 2017].

Хаос жилищного передела стирал привычные границы частной жизни, ломал повседневный уклад, отнимал у человека чувство хозяина, чувство дома и семейного очага. Вторжение в личное пространство, изъятие или расхищение элементов домашней обстановки, внедрение норм общежития и бытовое сосуществование представителей чуждых друг другу социальных слоев стремительно меняли прежние представления о собственности и праве, закладывая основы советского образа жизни и самосознания.

В дневниках московского служащего Н. Окунева зафиксировано состояние городского общества 1918 – начала 1920-х гг.: «Обносились, истощали, а главное – замучены анкетами, декретами, угрозами уплотнения, вселений и переселений. Жизнь до трагического «не свободна» [Окунев, 1997, с. 198]. «Для русского теперь нет неприкосновенности своего очага, особенно, если он “буржуй”, – замечал годом позднее В. Короленко. – Нет ничего безобразнее этой оргии реквизиций. При этом у нас в этом, как и ни в чем, нет меры. “Учреждения” то и дело реквизируют, и то и дело меняют квартиры. Загадят одну – берут другую» [Короленко, 2017].

Результаты исследования. Норма как фактор формирования советского пространства повседневности

Регламентировать распределение жилого фонда на местах и ограничить произвол комиссий было призвано введение новой фиксированной нормы жилья. В ее основу был положен единый для всех биологический фактор – физиологические потребности организма в определенном объеме воздуха. Речь шла уже не о комнатах – о метрах. В 1919 г. минимум жилплощади, составлявший 18 кв. аршин (9,10 м²) на человека, был утвержден Наркомздравом в качестве санитарной нормы для советских городов [Жилищное зако-

нодательство, 1927, с. 78]. В условиях острого жилищного кризиса власть вынуждена была сокращать и эту цифру. В Москве действовала «голодная норма» в 16 кв. аршин, то есть 8,1 м². Именно эту норму отстаивает Шариков в «Собачьем сердце»: «Я на шестнадцати аршинах здесь сижу и буду сидеть» [Булгаков, 2014, с. 240]. В регионах обеспеченность населения жильем оказывалась значительно меньше. К 1923 г. в Саратове на человека в среднем приходилось 6,6 м², в Воронеже – 6,2 м² [Орлов, 2015, с. 266]. В Ярославле, где в ходе июльского восстания 1918 г. было разрушено 34 % жилого фонда, эти показатели достигали лишь 1,5 м² на человека (Исполнительный комитет Ярославского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. ГАЯО. Ф. Р-208. О. 1. ДД. Д. 424. Л. 283).

Введение единой для всех нормы жилплощади соответствовало принципу всеобщего равенства, декларируемого советской властью. При этом повсеместной становилась практика освобождения от уплотнения определенных лиц и социальных групп. Занятие ими «излишков» жилплощади рассматривалось как мера поощрения «наиболее ценных» в социальном плане жильцов. В случае конфликтов между жильцами, принадлежавшими к разным классам, преимуществ, как правило, предоставлялись «трудящимся».

Право на игнорирование нормы, предоставляемое властью социально близким категориям, становилось инструментом создания новой социальной иерархии. Изыскание резервов жилплощади осуществлялось, в первую очередь, за счет «социально чуждых» слоев населения: «нетрудового элемента», лиц, лишенных избирательных и иных прав, «бывших» – представителей аристократии и буржуазии, а также членов их семей, признанных недостаточно «пролетаризировавшимися» (Исполнительный комитет Ярославского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. ГАЯО. Ф. Р-208. О. 1. ДД. Д. 424. ЛЛ. 452, 647).

Так, в Ярославле вдова известного ярославского окулиста И. Кацаурова подверглась выселению «ввиду их черносотенной деятельности в 1905 году». Комиссия признала Кацауровых «врагами трудового народа», невзирая на то, что в начале XX в. их усилиями в Ярославле была основана бесплатная глазная лечебница. Выселили бывшего заводчика Марголина, наследников купца Кузнецова, дочерей купца Вахрамеева, «не

считаясь с занимаемыми ими должностями в советских учреждениях» (Исполнительный комитет Ярославского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. ГАЯО. Ф. Р-208. О. 1. ДД. Д. 424. ЛЛ. 349, 452).

Отметим, что представители интеллигенции также занимали в складывающейся иерархии достаточно шаткую позицию. С одной стороны, право на дополнительную жилплощадь предоставлялось инженерам, агрономам, преподавателям вузов, научным работникам, зарегистрированным в Комиссии по улучшению быта ученых, и работникам изобразительных искусств, состоящим в союзе Рабис [Жилищное законодательство, 1927, с. 479]. С другой стороны, реализация этого права зависела от субъективных причин. По свидетельству Н. Мендельсона, московские преподаватели неоднократно подвергались не только уплотнениям, но и выселениям без предоставления иного жилья. «Бедные Домашевская и Ряднова, старые учительницы, получили приказ от пекарей, которым отдан дом, в семидневный срок очистить квартиру, оставив в ней всю обстановку...» Выселены были профессор Московского университета Д. Д. Плетнев (в прошлом член партии кадетов), профессор консерватории А. А. Брандуков [Мендельсон, 2017]. Академику И. П. Павлову право на просторную квартиру было предоставлено лишь ввиду «абсолютно исключительных научных заслуг, имеющих огромное значение для трудящихся всего мира» [Паперный, 2001, с. 26]. В подобной ситуации оказались и медики. Показателен случай, когда семью доктора Горбунова, умершего от тифа при исполнении служебных обязанностей, сразу после его смерти выселили из занимаемого помещения (Исполнительный комитет Ярославского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. ГАЯО. Ф. Р-208. О. 1. ДД. Д. 424. ЛЛ. 549, 560, 447).

Для управления муниципализированным жилым фондом вводились выборные институты домовых комитетов, в обязанности которых входило содействие рабочим по переходу в лучшие помещения. Для «лишенцев» доступ к участию в управлении домами был закрыт. С 1921 г. на смену домкомам была введена должность управдома, избираемого из числа жильцов. Современными исследователями отмечается, что введение института управдомов стало важным шагом на пути к профессионализации управления жилым фондом [Говоренкова, 1999, с. 6]. Однако и домовые комитеты, и управдомы для городского насе-

ления ассоциировались с коррупцией и доношением, что отразилось в фельетонах 1920-х гг. и новых поговорах: «На жилстроительство надейся, а с домкомом не спорь», «Был дураком, да прошел в домком» [Котова, 2018].

В годы НЭПа, в условиях частичной реабилитации частной собственности, жилищная политика сохраняла классовый характер. Все городское население подразделялось на категории, в зависимости от классового статуса. Приоритет при удовлетворении жилищной нужды получали красноармейцы, лица I и II категории (рабочие и служащие предприятий). Представители свободных профессий – «врачи, инженеры, литераторы, художники, служители культа», а также торговцы, ремесленники и граждане, имевшие нетрудовой доход, относились к III категории и фактически лишались права на получение благоустроенного жилья, решая жилищную проблему самостоятельно. Если для «трудящихся» оплата коммунальных услуг носила символический характер, то лица III категории платили повышенный налог за занимаемую площадь.

Дезориентация человека в отношении собственных прав и столкновение различных социальных групп в тесном пространстве коммуналки рождали новые стратегии борьбы за квадратные метры. Органы местной власти утопали в ходатайствах граждан. Бюрократические методы распределения жилья быстро сформировали особую терминологию и логику подобных документов: обращаясь за улучшением жилищных условий, горожане умело ссылались на специфику своей профессии, активное участие в общественной деятельности, санитарно-гигиенические и морально-этические неудобства, очерняли соседей-конкурентов.

Эффективным, но ведущим к спекуляциям методом стала практика «самоуплотнения»: самостоятельный поиск претендентов на «излишки» своей жилплощади. Переселение к себе родных и знакомых могло защитить от вторжения в квартиру представителей пролетарских масс. При этом фиктивные браки и разводы, прописка чужих людей в качестве родственников стали частыми примерами махинаций в жилищной сфере [Fitzpatrick, 1999, с. 59]. Жилье, перешедшее в государственную собственность, оставалось объектом спекуляций на всех уровнях власти – от городских советов до управдомов.

Квартирный кризис усугубляла и небрежная эксплуатация домовладений. Коммунальное жилье воспринималось как временное, общее, а по-

тому – чужое пространство. Неуверенность в гарантиях и сроках занятия жилплощади приводила к хищническому отношению к жилому фонду. Положение собственника жилья в нестабильных условиях коммунальной квартиры заменялось чувством «псевдохозяина», не стремившегося к «обживанию» своего угла [Высоковский, 2001, с. 117]. Результаты опросов общественного мнения, предпринятых в 1926-1927 гг., показали, что домашний уют респонденты не относили к ряду необходимых жизненных условий [Анкета, 1926, с. 102].

В первые годы советской власти покомнатное заселение квартир рассматривалось как вынужденная мера, но спустя 10-15 лет именно коммуналка оказалась преобладающим типом жилища в советском городе. В условиях отсутствия бытовой изоляции проживали 60 % горожан [Черных, 1995, с. 73]. Черты коммунального быта сохранялись и в эксплуатации «ведомственного» жилья, строительство которого активизировалось к концу 1920-х гг. Квартиры здесь распределялись между трудящимися одной организации, формируя специфические трудобитовые коллективы, призванные стать новыми ячейками социалистического общества [Меерович, 2005, с. 155]. Однако распределение жилплощади и здесь вызвало к жизни те же усвоенные советскими гражданами стратегии: личные связи и спекуляции, ходатайства и доносы.

В 1928-1929 гг. вновь участились массовые кампании по выселению «нетрудового элемента» и уплотнению жилищ. В дневнике жительницы Тбилиси архитектора В. Векиловой читаем: «Стали ходить слухи об уплотнении. Сейчас же всколыхнулись все внутренние ненависти, дразги, обиды, зависти, недоразумения. Каждый делал в уме примерное перераспределение жилплощади, наговаривая на другого и указывая на избытки комнат и состояний. Во избежание всяких наговоров мы уступили одну комнату соседям, почти даром... поднятая паника была чрезвычайно характерной, ибо наглядно показывала – до какой степени все проникнуто духом бесправия и произвола» [Векилова, 2017].

Заключение

К середине 1930-х гг. коммунальное жилье перестает восприниматься как временное, коммунальный быт становится нормой, способствуя «переплавке стилей жизни различных социальных групп в единый – советский» [Орлов]. В коммуналках сложилась система правил бытового поведения, закреплённая в Правилах внутрен-

него распорядка. Ежедневная борьба за квадратные метры, сосуществование со случайными людьми психически изматывали, превращая «квартирный вопрос» в большую тему. По выражению сатирика М. Зощенко, коммуналку населяли «нервные люди» [Зощенко]. Для советского человека такая среда обитания очень быстро оказалась естественной, порождая новые навыки социального взаимодействия.

Право на жилье, обеспеченное классовым статусом и социальной ценностью человека, отсутствие частной жизни, элементарной бытовой изоляции и чувства хозяина, необходимость борьбы за жилплощадь посредством сложных бюрократических процедур – все, что в первые годы советской власти еще переживалось как аномалия, за два десятилетия становится привычными характеристиками повседневности, нормой советского образа жизни.

Библиографический список

1. Александрова М. В. Частное пространство в российском городе XIX-XX вв.: квартирный вопрос и границы личного // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 379-384.
2. Анкета. Ваши конкретные представления о доме-коммуне? // Современная архитектура. 1927. № 3. С. 102.
3. Булгаков М. А. Собачье сердце. Санкт-Петербург : Лениздат, 2014. 253 с.
4. Векилова В. Дневник // Прожито : сайт. 2017. URL: <https://prozhito.org/person/4311> (дата обращения: 1.08.2021).
5. Высоковский А. Уют – не герой // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. Москва : Три квадрата, 2001. С. 116-121.
6. Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 9. Дневники: 1919-1941. Из публицистики 1907-1917 гг. Воспоминания современников. Москва : Русская книга, 2005. 560 с.
7. Говоренкова Т. М. Жилищно-арендная кооперация. Опыт новой экономической политики и возможность его применения в современной России / Т. М. Говоренкова, Д. А. Савин. Москва : Коммунальная власть, 1999. 106 с.
8. Готье Ю. В. Мои заметки // Прожито : сайт. 2017. URL: <https://prozhito.org/person/126> (дата обращения: 1.08.2021).
9. Жилищное законодательство : сборник декретов, инструкций и распоряжений с комментариями / составители Н. И. Бронштейн и С. М. Гинзбург. Москва : Правовая защита, 1927. 866 с.
10. Жиркевич А. В. Потребленные тени... Симбирский дневник. Москва : Этерна-принт, 2007. 640 с.
11. Зощенко М. А. Нервные люди. Москва : Астрель, 2012. 192 с.
12. Короленко В. Г. Дневник. Письма. 1917-1921 // Прожито : сайт. 2017. URL: <https://prozhito.org/person/149> (дата обращения: 1.08.2021).
13. Коткин С. Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. Москва : Три квадрата, 2001. С. 103-112.
14. Котова М. Коммунальный быт в фельетонах // Arzamas : сайт. 2018. URL: <https://arzamas.academy/materials/600> (дата обращения: 1.08.2021).
15. Лебина Н. Коммунальный, коммунальный, коммунальный мир // Родина. 1997. № 1. С. 16-20.
16. Меерович М. Г. Квадратные метры, определяющие сознание: государственная жилищная политика в СССР. 1921-1941 гг. : монография. Stuttgart : Ibidem-Verlag, 2005. 210 с.
17. Меерович М. Г. Очерки истории жилищной политики в СССР 1917-1941 гг. : монография. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2003. 356 с.
18. Мендельсон Н. М. Дневник // Прожито : сайт. 2017. URL: <https://prozhito.org/person/158> (дата обращения: 1.08.2021).
19. Окунев Н. П. Дневник москвича, 1917-1924 : в 2 книгах. Москва : Воениздат, 1997. 336 с.
20. Орлов И. Б. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917-1941 гг.). Москва : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. 336 с.
21. Отдел коммунального хозяйства исполкома Ярославской губернии Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и местный комитет профессионального союза работников коммунального хозяйства. ГАЯО. Ф. Р-180. О. 1. Д. 2.
22. Паперный В. Мужчины, женщины и жилое пространство // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история : монографический сборник. Москва : Три квадрата, 2001. С. 91-102.
23. Сомов К. А. Дневник. 1917-1923. Вступ. статья, подгот. текста, коммент. П. С. Голубева. Москва : Дмитрий Сечин, 2017. 925 с.
24. Черных А. И. Жилищный передел: политика 20-х годов в сфере жилья // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 71-78.
25. Чуковский К. И. Дневник : в 3-х томах. Т. 1. Москва : ПРОЗАиК, 2011. 592 с.
26. Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 25 т. Т. 18. Москва : Госполитиздат, 1961. 807 с.
27. Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism. Ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s. New York, Oxford University Press, 1999. P. 336.

Reference list

1. Aleksandrova M. V. Chastnoe prostranstvo v rossijskom gorode XIX-XX vv.: kvartirnyj vopros i granicy lichnogo = Private space in the Russian city of the XIX-XX centuries: apartment issue and personal boundaries //

Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2016. № 6. S. 379-384.

2. Anketa. Vashi konkretnye predstavlenija o dome-kommune? = Questionnaire. Your specific ideas about the house-commune? // *Sovremennaja arhitektura*. 1927. № 3. S. 102.

3. Bulgakov M. A. Sobach'e serdce = Heart of a Dog. Sankt-Peterburg : Lenizdat, 2014. 253 s.

4. Vekilova V. Dnevnik = Diary // *Prozhito* : sajt. 2017. URL: <https://prozhito.org/person/4311> (data obrashhenija: 1.08.2021).

5. Vysokovskij A. Ujut – ne geroj = Comfort is not a hero // *Zhilishhe v Rossii: vek XX. Arhitektura i social'naja istorija*. Moskva : Tri kvadrata, 2001. S. 116-121.

6. Gippius Z. N. Sobranie sochinenij. T. 9. Dnevnik: 1919-1941. Iz publicistiki 1907-1917 gg. Vospominanija sovremennikov = Collected works. T. 9. Diaries: 1919-1941. From journalism 1907-1917. Memoirs of contemporaries. Moskva : Russkaja kniga, 2005. 560 s.

7. Govorenkova T. M. Zhilishhno-arendnaja kooperacija. Opyt novej jekonomičeskoj politiki i vozmožnost' ego primeneniya v sovremennoj Rossii = Housing and rental cooperation. Experience of the new economic policy and possibility of its application in modern Russia / T. M. Govorenkova, D. A. Savin. Moskva : Kommunal'naja vlast', 1999. 106 s.

8. Got'e Ju. V. Moi zametki = My notes // *Prozhito* : sajt. 2017. URL: <https://prozhito.org/person/126> (data obrashhenija: 1.08.2021).

9. Zhilishhnoe zakonodatel'stvo = Housing legislation : sbornik dekretov, instrukcij i rasporyzhenij s komentarijami / sostaviteli N. I. Bronštejn i S. M. Ginzburg. Moskva : Pravovaja zashhita, 1927. 866 s.

10. Zhirkevich A. V. Potrevozhennye teni... Simbirskij dnevnik = Disturbed shadows... Simbirsk diary. Moskva : Jeterna-print, 2007. 640 s.

11. Zoshhenko M. A. Nervnye ljudi = Nervous people. Moskva : Astrel', 2012. 192 s.

12. Korolenko V. G. Dnevnik. Pis'ma. 1917-1921 = Diary. Letters. 1917 1921 // *Prozhito* : sajt. 2017. URL: <https://prozhito.org/person/149> (data obrashhenija: 1.08.2021).

13. Kotkin S. Zhilishhe i sub#ektivnyj harakter ego raspredelenija v stalinskuju jepohu = Housing and the subjective nature of its distribution in the Stalin era // *Zhilishhe v Rossii: vek HH. Arhitektura i social'naja istorija*. Moskva : Tri kvadrata, 2001. S. 103-112.

14. Kotova M. Kommunal'nyj byt v fel'etonah = Communal life in feuilleton // *Arzamas* : sajt. 2018. URL: <https://arzamas.academy/materials/600> (data obrashhenija: 1.08.2021).

15. Lebina N. Kommunal'nyj, kommunal'nyj, kommunal'nyj mir = Comunal, comunal, communal world // *Rodina*. 1997. № 1. S. 16-20.

16. Meerovich M. G. Kvadratnye metry, opredelja-jushhie soznanie: gosudarstvennaja zhilishhnaja politika v SSSR. 1921-1941 gg. = Square meters that determine consciousness: state housing policy in the USSR. 1921-1941. : monografija. Stuttgart : Ibidem-Verlag, 2005. 210 s.

17. Meerovich M. G. Oчерки istorii zhilishhnoj politiki v SSSR 1917-1941 gg. = Essays on the history of housing policy in the USSR 1917-1941: monografija. Irkutsk : Izd-vo IrGTU, 2003. 356 s.

18. Mendel'son N. M. Dnevnik = Diary // *Prozhito* : sajt. 2017. URL: <https://prozhito.org/person/158> (data obrashhenija: 1.08.2021).

19. Okunev N. P. Dnevnik moskvicha, 1917-1924 = Diary of a Muscovite, 1917-1924 : v 2 knigah. Moskva : Voenizdat, 1997. 336 s.

20. Orlov I. B. Kommunal'naja strana: stanovlenie sovetskogo zhilishhno-kommunal'nogo hozjajstva (1917-1941 gg.) = Communal country: the formation of the Soviet housing and communal services (1917-1941). Moskva : Izdatel'skij dom NIU VShJe, 2015. 336 s.

21. Otdel kommunal'nogo hozjajstva ispolkoma Jaroslavskoj gubernii Soveta rabochih, krest'janskih i krasnoarmejskih deputatov i mestnyj komitet professional'nogo sojuza rabotnikov kommunal'nogo hozjajstva = Department of Public Utilities of the Executive Committee of the Yaroslavl Province of the Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies and the local committee of the professional union of communal workers. GAJaO. F. R-180. O. 1. D. 2.

22. Papernyj V. Muzhchiny, zhenshiny i zhiloe prostranstvo = Men, Women and Living Space // *Zhilishhe v Rossii: vek XX. Arhitektura i social'naja istorija* : monografičeskij sbornik. Moskva : Tri kvadrata, 2001. S. 91-102.

23. Somov K. A. Dnevnik. 1917-1923 = Diary 1917-1923. Vstup. stat'ja, podgot. teksta, komment. P. S. Golubeva. Moskva : Dmitrij Sechin, 2017. 925 s.

24. Chernyh A. I. Zhilishhnyj peredel: politika 20-h godov v sfere zhil'ja = Housing redistribution: housing policy of the 1920s // *Sociologičeskie issledovanija*. 1995. № 10. S. 71-78.

25. Chukovskij K. I. Dnevnik = Diary : v 3-h tomah. T. 1. Moskva : PROZAIK, 2011. 592 s.

26. Jengel's F. K. Zhilishhnomu voprosu = To the housing issue // Marks K., Jengel's F. Sochinenija : v 25 t. T. 18. Moskva : Gospolitizdat, 1961. 807 s.

27. Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism. Ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s. New York, Oxford University Press, 1999. P. 336.

Статья поступила в редакцию 05.08.2021; одобрена после рецензирования 08.09.2021; принята к публикации 25.09.2021.

The article was submitted on 05.08.2021; approved after reviewing 08.09.2021; accepted for publication on 25.09.2021.